

УДК 94(47)+94(516)+94(571.15)

ФОРМИРОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ ГРАНИЦЫ В ВЕРХНЕМ ОБЬ-ИРТЫШЬЕ В ОЦЕНКАХ УЧЕНЫХ И ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVIII В.

Денис С. Бобров^{1, @, *}

¹ Алтайский государственный университет, Россия, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

@ BDS-eureka@yandex.ru

Поступила в редакцию 31.10.2016.

Принята к печати 24.11.2016.

Ключевые слова: историко-географические образы, труды ученых и путешественников, российская государственная граница, естественная граница, Верхнее Обь-Иртышье (Алтай), крепости Иртышской линии, Колывано-Воскресенский производственный комплекс.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ и Администрации Алтайского края в рамках реализации совместного проекта № 15-11-22005.

Аннотация: Статья представляет собой опыт выделения и реконструкции представлений ученых и путешественников XVIII в. относительно формирования российской границы в Верхнем Обь-Иртышье. Возникновение историко-географических образов рассматривается в качестве прямого следствия отсутствия делимитированной и демаркированной границы между Российской империей и Джунгарским ханством, а затем Цинской империей. Источниковую основу публикации составили труды знаковых для истории региона научных деятелей: Г. Ф. Миллера, Г. В. Геннина, И. П. Фалька, П. С. Палласа. Методологическим фундаментом работы стал метод «крупного плана». Исследовательские положения подробно анализируются в контексте целевых установок ученых, круга привлеченных ими источников и обстоятельств осуществления экспедиций. Автор выделяет идеологемы с преобладанием архетипичных представлений, особое внимание уделяет концепции «естественной границы» П. С. Палласа и его замечаниям относительно режима функционирования государственных рубежей, приходит к выводу о фрагментарности, эклектичности и внутренней противоречивости историко-географических образов российской границы.

Для цитирования: Бобров Д. С. Формирование российской границы в Верхнем Обь-Иртышье в оценках ученых и путешественников XVIII в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. С. 12 – 18. DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-12-18.

В отечественных исторических исследованиях последних лет проблематика присоединения, освоения и инкорпорации окраинных территорий в общегосударственное пространство демонстрирует устойчивую тенденцию роста своей актуальности. Вслед за восполнением событийной канвы военно-колониционных сюжетов специалисты начинают акцентировать внимание на реконструкции механизмов реализации государственной политики освоения отдаленных земель. Для приграничных районов ключевым политико-правовым способом воздействия центральной власти на осваиваемую область являлось формирование государственной границы, которая выступала не просто системообразующим условием функционирования социально-политической системы региона, но и единственным рациональным средством «обрамления», осознания осваиваемого пространства, а также формирования его пространственной модели.

В классификации российских границ ряд исследователей выделяет в качестве особого типа *азиатскую границу*. Формально эта категория может быть определена как южные рубежи России в Средней и Центральной Азии. При более глубоком анализе под азиатской границей следует понимать большую барьерно-буферную зону, обширный территориальный локус, располагавшийся

между различными государствами или полугосударственными образованиями [1, с. 35]. На ранних этапах вызревания имперской суверенности ключевым для государственного освоения участка азиатской границы являлось междуречье крупных сибирских рек Оби и Иртыша (Верхнее Обь-Иртышье). Главным геополитическим соперником России в регионе являлось сначала своеправное Джунгарское ханство, а затем мощная Цинская империя. Вследствие этого государственная политика освоения юга Западной Сибири достаточно быстро приобрела военно-колониционный характер и реализовывалась в форме осуществления ряда военных экспедиций с целью строительства острогов и крепостей в стратегически значимых местах. В результате Верхнее Обь-Иртышье как сегмент азиатской границы России в течение XVIII в. эволюционировало от слабо заселенного лимитрофа к хорошо укрепленному лимесу.

Среди факторов формирования российской государственной границы на юге Западной Сибири следует выделить два фундаментальных обстоятельства. В силу огромного территориального разрыва между центром и осваиваемой окраиной имперские власти осмысливали пространство с серьезным запозданием, а уровень такого осмысления административно-политических границ, как

правило, не соответствовал динамике геополитической ситуации [2, с. 36 – 37]. При этом архитектура политики российской стороны в вопросе государственной границы на протяжении всего XVIII в. выстраивалась вокруг положения об отсутствии делимитированной (подробно описанной и нанесенной на карту) границы. Действие обоих факторов в длительной перспективе привело к возникновению образов российской границы в Верхнем Обь-Иртышье как совокупностей ярких характерных символов и ключевых представлений, описывающих реальные географические пространства [3, с. 93]. Широкий спектр разнородных образов границы следует подразделить на две конвергентные группы: политико-географические и историко-географические.

Политико-географические образы нашли свое отражение в сознании имперских властей различных уровней, а также лиц, находившихся на государственной службе и привлекавшихся для выполнения административных задач в регионе (руководители экстраординарных экспедиций, геодезисты). Иными словами, это образы границы, формирование которых в той или иной степени связано с административным началом, поскольку в Российском государстве первичное осмысление пространства осваиваемых регионов исторически располагалось в плоскости административного дискурса. В этом контексте генезис политико-географических образов границы связан со стремлением имперской элиты сгенерировать ментальные установки и заместить ими отсутствовавшие нормативные (легальные) основы формирования российских государственных рубежей. Применительно к XVIII в. следует выделить три соответствующих образа или парадигмы восприятия границы. Прежде всего, это официально-дипломатическое понимание, сводившееся к обоснованию суверенных прав России на всю территорию Верхнего Обь-Иртышья вплоть до озера Зайсан. Другой формат восприятия государственных рубежей связан с фактическим пределом административной юрисдикции имперских властных учреждений в регионе (крепости Иртышской линии и Бикатунская с прилегающими к ним пространствами). Третья, картографическая парадигма границы реализовывалась в создании специфической картографической проекции приграничного пространства, содержание которой могло не соотноситься с другими двумя аспектами [1, с. 35].

Наряду с политико-географическими XVIII столетие ознаменовалось возникновением целого ряда историко-географических образов российской границы в Верхнем Обь-Иртышье. Складывание этих ментальных конструктов детерминировано тенденцией осмысления освоенческих процессов в среде научной интеллигенции. Каналом репрезентации сформированных в результате научных изысканий историко-географических образов становились дневники, путевые записи, статьи, монографии как путешественников, посещавших Алтай, так и ученых, занимавшихся разработкой того или иного аспекта региональной проблематики.

Целью настоящей публикации является реконструкция историко-географических образов российской границы в Верхнем Обь-Иртышье, представленных в трудах

ученых и путешественников XVIII в. Источниковую основу исследования составили опубликованные работы знаковых для истории региона научных деятелей: Г. Ф. Миллера [4; 5], Г. В. Геннина [6], И. П. Фалька [7; 8], П. С. Палласа [9; 10]. Несмотря на жанровое разнообразие материалов (статьи, отчет, путевые дневники, историко-географические очерки) солидаризирующим фактором выступает акцентуация внимания авторов на тематике истории освоения региона. При этом ни одно сочинение не посвящено формированию российской границы напрямую, а все привлеченные изыскания затрагивают соответствующие сюжеты в контексте рассмотрения других освоенческих процессов. Архитектура статьи выстроена на основе метода «крупного плана», предполагающего погружение в идейно-смысловой мир ученого или путешественника и рассмотрение исторических явлений его глазами [11, с. 14], что, в свою очередь, позволяет реконструировать индивидуальную мотивацию и обстоятельства генерации тех или иных авторских суждений (оценок).

Одним из основоположников формирования научных представлений о генезисе российской границы на юге Западной Сибири следует считать Г. Ф. Миллера. Будучи руководителем «академического отряда» Второй Камчатской экспедиции, ученый посетил Алтай в 1734 г. Маршрут пролегал вдоль Иртыша, затем от Усть-Каменогорской крепости к Колывано-Воскресенскому заводу, в пределах которого путешественник находился с 19 по 23 августа 1734 г. [12, с. 141; 13, с. 39 – 40]. Затем отряд направился в Кузнецк, Томск и другие крупные города Сибири. Учитывая схему передвижения и склонность Г. Ф. Миллера к скрупулезному сбору исторических свидетельств, следует констатировать, что немецкий профессор располагал обстоятельными сведениями (в том числе и архивными) об истории Верхнего Обь-Иртышья в XVII – первой трети XVIII в.

В хрестоматийной работе «Известие о песошном золоте в Бухарии...» Г. Ф. Миллер представил оригинальную, базировавшуюся на нескольких ключевых идеологемах концепцию складывания российской границы на юге Западной Сибири. Одной из ее основ стала констатация на момент начала XVIII в. фактической территориальной принадлежности всего региона Джунгарскому ханству и определение разделительного рубежа между странами по устью Оми [4, с. 473]. Такая оценка сопрягалась с доктриной установления государственной границы, активно реализовывавшейся в дипломатической практике ойротского государства в первой половине XVIII столетия [1, с. 38 – 39]. Развивая мысль, немецкий историк отметил наличие калмыцких жилищ в бассейне Чарыша [4, с. 473], насчитав там до 270 семей [5, с. 22].

Несмотря на эти обстоятельства, Г. Ф. Миллер не высказал подозрений в целесообразности продвижения Российской империи вглубь Средней Азии [14, с. 78]. В этом контексте критерии принадлежности территории (Верхнего Обь-Иртышья) к тому или иному государству усматривались ученым в строительстве инженерных укреплений и активном заселении, освоении края. Рассуждая о функциональном назначении российских крепостей

в Прииртышье, немецкий профессор оказался весьма категоричен и попытался представить откровенно идеалистическую картину: согласно авторской версии сооружение крепостей позволило имперской элите полностью прекратить приграничные споры с джунгарским хунтайджи (хотя на самом деле территориальные разногласия с ойротами во второй четверти XVIII в. лишь усилились). Более того, по мнению Г. Ф. Миллера, крепости на Иртыше детерминировали не только тотальное очищение степного пространства между Обью и Иртышем от чужих народов, но и заселение, хозяйственное освоение района: «крайняя страна Сибири [*Верхнее Прииртышье – Д. Б.*] необходимо крепости требует, дабы тем землю от неприятельских нападений привести в безопасность» [4, с. 500]. Вместе с тем сооружение ряда крепостей не сделало бы область автоматически российской, поскольку «пустые страны всегда бывают владением сомнительны и что, напротив того, население и строения в таких странах право владения подтверждают» [4, с. 500].

В «Описании Кузнецкого уезда...» одной из системообразующих идеологием формирования границы стало положение о планомерном, эволюционном и ненасильственном характере перехода Верхнего Обь-Иртышья под фактический контроль России. После рационально обоснованного утверждения о том, что верховья Оби к началу активного имперского освоения принадлежали калмыкам и отошедшим в районе их проживания киргизам, Г. Ф. Миллер добавил: «пока ... сами [*ойроты, джунгары – Д. Б.*] не очистили поле и не перешли на ту сторону Алтайских гор» [5, с. 21]. Интенсификация российской колонизации детерминировала сознательное и добровольное подчинение инородческих волостей: «телеуты, татарская нация, которые тогда под калмыцкой властью жили на реках Алей, Барнаул и Касмола, подчинились большей частью совершенно добровольно» [5, с. 22].

Практически вслед за Г. Ф. Миллером краткий исторический очерк Кольвано-Воскресенского производственного комплекса и в целом всего Верхнего Обь-Иртышья представил Г. В. Геннин в «Описании уральских и сибирских заводов» (при этом вопрос о степени участия Г. В. Геннина в составлении рукописи до сих пор является дискуссионным [15, с. 40 – 46]). Рукопись удачно соединила в себе черты заводских ведомостей, дополненных отступлениями ретроспективного характера, и аналитического отчета о состоянии горнозаводского производства [15, с. 41 – 44; 16, с. 87], а сам государственный деятель часто именовал свой труд «исторической книгой» [15, с. 44]. В сочинении содержится ряд замечаний о российской границе на юге Западной Сибири [6, с. 623 – 629], базирующихся как на рациональных, так и архетипичных основаниях. С одной стороны, приводя краткий экскурс истории региона, генерал-лейтенант вполне резонно заметил, что исторически в степях между Обью и Иртышем не существовало русских жилищ, а «теми... степями и дистриктами ... между Обью и Иртышем вниз до Барабы реки владение имеют русские люди не в давном времени» [6, с. 626]. С другой – начальник казенных заводов указал на отсутствие к концу первой трети XVIII в. в Прииртышье каких-либо русских поселе-

ний за исключением цепочки укреплений от Омской до Усть-Каменогорской крепости. Последние в авторской интерпретации были нацелены на охрану исключительно «от набегов беспокойного неприятельского народа Казачьей орды» и в них содержалось всего лишь «по несколько человек салдат и служилых людей» [6, с. 626].

Вполне очевидно, что, концентрируясь на многоаспектном анализе экономического потенциала предприятий А. Н. Демидова и будучи не вполне знакомым с овоенческой конъюнктурой Верхнего Обь-Иртышья, Г. В. Геннин не смог представить целостной, непротиворечивой картины динамики исторических событий в регионе. Во-первых, авторское суждение об отсутствии в Прииртышье стационарных русских поселений слабо согласовывалось с одним из положений следом приведенной характеристики лесных ресурсов формировавшегося Кольвано-Воскресенского комплекса: «а тех трав за дальностию *деревень* никто не выкашивает, ибо *деревни* [*курсив мой – Д. Б.*] состоят от помянутого завода не ближе того, как около двух или трех сот верст» [6, с. 625]. Во-вторых, генерал-лейтенант не упомянул о строительстве Бикатунской и Белоярской крепости (в тексте говорилось лишь об основании Чаусского острога) и вовсе убеждал читателя в том, что все население Обь-Иртышья татарского происхождения. Наконец, весьма оригинальной представляется авторская интерпретация проблемы «двоеданничества»: наряду с выделением на широком пространстве от Оби до Иртыша целого ряда инородческих волостей, плативших одновременно ясак Российской империи и алман ойротским ханам, В. Геннин подчеркнул, что население и сама земля принадлежали джунгарскому правителю [6, с. 629].

Дальнейшие историко-географические описания Верхнего Обь-Иртышья (Алтая) XVIII в., заключавшие в себе в том числе и сюжеты приграничной тематики, связаны с академическими экспедициями 1768 – 1774 гг., точнее с путешествиями И. П. Фалька и П. С. Палласа.

И. П. Фальк являлся руководителем одного из оренбургских отрядов, сформированных Академией наук с целью «сбора сведений на пользу общую государства и распространение наук» [17, с. 53]. На Алтае ученый побывал в 1771 г., посетил Барнаул и Змеиногорский рудник, осмотрел озеро Кольвань, проехал вдоль Чарыша и Алея, после чего направился в Кузнецк [12, с. 218]. Тем не менее собранных им материалов оказалось достаточно, чтобы представить гораздо более полную картину генезиса российской границы в Верхнем Обь-Иртышье, нежели это сделали его предшественники.

Не ставя перед собой цель осуществления комплексного ретроспективного анализа процесса формирования государственных рубежей, И. П. Фальк тем не менее сопровождал общий обзор Кольванской губернии, описание Кузнецкого уезда и верхнего течения Оби отдельными историческими замечаниями и отступлениями. В частности, шведский путешественник считал, что Кузнецк был построен не на российской земле, а в «Зюнгорской степи» [7, с. 527], то есть фактически в приграничной зоне, контролировавшейся ойротским населением. В начале XVIII в. пограничным районом мыслились уже

верховья Оби (повышенное внимание ученого к гидрографической системе являлось частью авторской методики репрезентации региона [17, с. 55]), причем как Бия, так и Катунь были заселены лишь с российской стороны, а вершины рек «оставлены» ойротам. О характере пролегания границы в Верхнем Приобье И. П. Фальк не упомянул, хотя и отметил, что обнаружил в архиве Барнаульской канцелярии подробные карты района [7, с. 512 – 513]. Описывая междуречье Оби и Иртыша, ученый пришел к выводу, что эта местность была «открыта» для набегов джунгар, а также казахов, и вплоть до конца первой трети XVIII в. сохраняла свой неопределенный статус: не принадлежала ни российской, ни ойротской стороне. Ключевым событием, закрепившим область за Россией, стало начало разработки медных руд и становление горнозаводского производства [7, с. 436 – 437].

Современные ему контуры государственных рубежей в Верхнем Обь-Иртышье И. П. Фальк связывал с укрепленными линиями, что полностью соотносилось с официальной версией, утвердившейся в административном дискурсе: от Омска граница уходила на юг до Усть-Каменогорской крепости, после чего поворачивала на северо-восток вплоть до Бийска [8, с. 28]. Однако в сознании путешественника представления о российской границе в регионе не исчерпывались суммой последовательно соединенных лимесов. Одним из элементов характеристики географических параметров Колыванской губернии выступил тезис о «природной границе», ментально проведенной И. П. Фальком по алтайским хребтам (без указания каких-либо вершин или горных грядов). Несоответствие фактической и «природной» границ шведский ученый объяснил труднопроходимыми условиями местности, в силу чего «Колыванская и Кузнецкая дистанции проведены более к северу [от Алтайских гор – Д. Б.]» [7, с. 436].

Основываясь на чертежах и информации из Кузнецкой канцелярии, а также на собственных наблюдениях, И. П. Фальк представил чрезвычайно подробное для своего времени описание разделительных пограничных знаков на востоке Верхнего Приобья в районе Абакана: «Российская и Китайская [межи – Д. Б.], одна близ другой. Каждая имеет высокое каменное основание, сложенное из диких камней и большею частью из кусков красноватого пещанного шифера, или складенное без цемента. Каждое основание образует притупленную кеглю, вышиною в 2 сажени. На нем стоит самая межа, деревянный столб, Российская вышиною в 1 1/3 сажени и с крестом. Китайская межа гораздо простее; она вышиною от фундамента в 8 футов и с Китайскими надписями» [7, с. 511]. Это первое описание искусственно сооруженного демаркационного знака (не крепости или линии крепостей) на юге Западной Сибири, представленное в опубликованной работе ученого (путешественника). Речь идет о так называемой Шабиной (Шабин-Дабага) горе – месте разграничения Российской и Цинской империй. О «маяке» на этой горе упоминается в деле об экспедициях П. А. Мельникова 1733 – 1734 гг. [18, л. 65]. Примечательно, что И. П. Фальк привел не только описание рос-

сийского знака, но и осуществил (пусть и в примитивной форме) его сравнение с китайским.

Коллега И. П. Фалька по академическим экспедициям, руководитель другого оренбургского отряда П. С. Паллас посетил Алтай в рамках своей экспедиции летом 1771 г. Маршрут пролегал вдоль Иртышской линии, далее через Змеиногорск и Колыванский завод к Барнаулу, а затем Ново-Павловскому и Сузунскому предприятиям [19, с. 75; 12, с. 154]. В целом путешественнику удалось подробно описать Прииртышье, но в гораздо меньшей степени изучить Верхнее Приобье. Материалы, представленные в итоговом труде П. С. Палласа «Путешествии...» [9; 10], носят характер путевых заметок, дневниковых записей, что несколько осложняет реконструкцию образа границы в силу хаотичной эклектики фактов, суждений, оценок и впечатлений.

Стержневым фактором, детерминировавшим характер описания немецким ученым российских рубежей в Верхнем Обь-Иртышье, явилось откровенное нежелание руководства Сибирской пограничной линии обеспечивать должный уровень информационно-логистического сопровождения и охраны экспедиции. В частности, при отправлении из Омска П. С. Паллас с определенным раздражением подчеркивал стремление командующего Сибирским корпусом С. К. Станиславского скрыть подробные карты Прииртышья: «ответствовано мне на то было, что без имянного Всевысочайшего указа они мне хранимых карт ни сообщить, ни показать не могут, а на поданное мною об оном письменное представление дали мне на весьма короткое время некоторыя общия карты, довольно мне уже известные, но и тут требованных мною не великих выписок, которые бы мне весьма нужны были, не получил» [9, с. 113]. Позже находившемуся в с. Глуховской путешественнику удалось получить от все того же С. К. Станиславского лишь трех казаков для изучения соленого озера на левом берегу Иртыша, что, по объективным причинам, не позволило обследовать местность [9, с. 189]. Кроме того, для руководителя экспедиции тяжелая болезнь стала непреодолимым препятствием к посещению Усть-Каменогорской крепости, в результате чего, пожалуй, наиболее информативный и проблемный участок границы в сжатом виде был описан студентом Н. Соколовым. Несмотря на эти обстоятельства П. С. Палласу в своих путевых заметках удалось отразить уже не просто набор идеологем, а представить целостную концепцию генезиса и функционирования российской границы.

Ядром теоретических построений ученого стали положения об оборонительных линиях как маркере выделения де-факто существовавших на тот момент государственных рубежей и о естественной границе Российской империи в предгорьях Алтая. Российскую границу в Прииртышье П. С. Паллас отождествлял с военно-инженерными объектами Иртышской укрепленной линии на широком протяжении от Омской до Усть-Каменогорской крепости, которая определялась «как последний и южный пограничный форпост, противу Китайских Сяунгорских степей» [9, с. 256]. От Иртыша до Оби граница была описана при помощи перечисления фор-

тификационных объектов Кольвано-Воскресенской линии. Немецкий путешественник в недостаточной мере был знаком с названиями и типовой принадлежностью инженерных сооружений (крепость, форпост, станция, редут), поэтому в его изложении перечень укреплений выглядел следующим образом: Белорецкий, Березовский, Заинский, Загирский, Казанской Богоматери, Кобановский, Калмыцкий и Озерный форпосты, а также Никалисская (на самом деле Николаевский форпост [20, с. 42 – 43]), Ануйская и Биская (ошибка в названии обусловлена тем, что П. С. Палласу не удалось побывать в верховьях Оби и посетить Бийск) крепости [19, с. 211].

Проводя свои изыскания практически параллельно с И. П. Фальком, П. С. Паллас смог трансформировать идею «природной» границы в фактически целостную концепцию «естественной границы». Ученый предполагал, что для Верхнего Обь-Иртышья помимо укрепленных линий есть более рационально обоснованный вариант установления государственных рубежей по двум ключевым горным хребтам, последовательно сменявшим друг друга: «в прочем сие есть начало великаго Алтайского хребта гор, общее положение от югозападной стороны к северозападу имеющего, в коем направлении оной простирается до Оби и далее до самого севернаго краю высокаго пространнаго одинакаго главнаго хребта, полагающего естественную границу между Российской империей и Зюнгорскими степями Китаю принадлежащими более, распространяющегося к восточной стороне чрез северную Азию и от Иртыша до Оби заслуживающего наименование Алтайского, от Оби до Енисейска же Саянского хребта» [9, с. 206 – 207].

Размышления о наиболее рациональном варианте установления российской границы П. С. Паллас сопровождал рядом суждений относительно оптимального режима ее функционирования. Отмечая в верховьях Иртыша значительное количество русских деревень с уплачивавшим подать военным властям населением, немецкий энциклопедист предлагал жителей приграничных административных пунктов приписать к предприятиям Кольвано-Воскресенского комплекса, чего «многие от поселян онаго желают, и может быть, что все при перемене смотра начали бы иметь свои выгоды» [9, с. 213]. Кроме того, вполне обоснованно серьезной критике подверглась система расположения Кольвано-Воскресенской линии за то, что она фактически «отрезала» от территории России значительное количество уже открытых рудников и еще целый ряд потенциально богатых рудами гор [9, с. 211]. Наконец, П. С. Паллас подчеркнул острую необходимость создания пограничной линии от Кузнецка до Енисея, однако констатировал невозможность фактического осуществления этого замысла вследствие «диких гор» [9, с. 301].

Историко-географические образы российской границы в Верхнем Обь-Иртышье в XVIII в. представляли собой ряд оригинальных исследовательских идеологий и концепций, выстраивавшихся на основе авторской трактовки проблемы исторической территориальной принадлежности региона и отождествления государственных рубежей с укрепленными линиями. Ведущими характеристиками образов следует признать фрагментарность, заключающуюся в отсутствии у научных деятелей целостного видения генезиса границы, эклектичность, проявившуюся в хаотичном, спонтанном рассмотрении событий и сюжетов с различной временной дистанцией, а также внутреннюю противоречивость.

Историко-географические образы российской границы в Верхнем Обь-Иртышье в XVIII в. представляли собой ряд оригинальных исследовательских идеологий и концепций, выстраивавшихся на основе авторской трактовки проблемы исторической территориальной принадлежности региона и отождествления государственных рубежей с укрепленными линиями. Ведущими характеристиками образов следует признать фрагментарность, заключающуюся в отсутствии у научных деятелей целостного видения генезиса границы, эклектичность, проявившуюся в хаотичном, спонтанном рассмотрении событий и сюжетов с различной временной дистанцией, а также внутреннюю противоречивость.

Литература

1. Бобров Д. С., Соболева Т. Н. Государственная граница Российской империи в Верхнем Обь-Иртышье в первой половине XVIII в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 3. Т. 2. С. 34 – 41. DOI: 10.14258/izvasu(2015)3.2-04.
2. Замятин Д. Н. Политико-географические образы российского пространства // Вестник Евразии. 2003. № 4. С. 34 – 45.
3. Замятин Д. Н. Культура и пространство: моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
4. Миллер Г. Ф. Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имена: Омская, Железенская, Ямышевская, Семипалатная и Усть-Каменогорская // Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3 т. Т. 3. М.: Восточная литература, 2005. С. 473 – 507.
5. Сибирь XVIII в. в путевых описаниях Г. Ф. Миллера / изд. подг. А. Х. Элерт. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1996. 310 с. (Серия: История Сибири. Первоисточники). Вып. 6.
6. Геннин В. Описание уральских и сибирских заводов: 1735 / предисл. М. А. Павлова. М.: История заводов, 1937. 663 с.
7. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук, по предложению ее президента: в 7 т. Т. 6: Записки путешествия академика Фалька. СПб.: Императорская Академия наук, 1824. 446 с.
8. Полное собрание ученых путешествий по России, издаваемое Императорской Академией наук, по предложению ее президента: в 7 т. Т. 7: Заключающий в себе дополнительные статьи к Запискам путешествия академика Фалька. СПб.: Императорская Академия наук, 1825. 224 с.
9. Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства по повелению Санкт-Петербургской Императорской Академии наук. Ч. 2. Кн. 2. СПб.: Императорская Академия наук, 1786. 571 с.
10. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Атлас. СПб.: Императорская Академия наук, 1788. 111 с.
11. Головнев А. В. Крупный план в антропологии // Уральский исторический вестник. 2010. № 4(29). С. 14 – 20.
12. Исследователи Алтайского края. XVIII – начало XX в.: библиографический словарь. Барнаул: Алтайский полиграфический комбинат, 2000. 280 с.

13. Контев А. В. Картографические материалы И. Г. Гмелина и Г. Ф. Миллера как источники по истории становления горно-металлургического производства на Алтае // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2013. Т. 12. Вып. 1. С. 39 – 43.
14. Элерт А. Х. Сибирь и сибирские народы в геополитических проектах академика Г. Ф. Миллера // Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований. Вып. 2. Новосибирск, 2000. С. 77 – 84.
15. Карелин В. Г. К истории рукописи «Описание уральских и сибирских заводов. 1734» // Четвертые Чупинские краеведческие чтения: материалы конференции (Екатеринбург, 14 – 15 февраля 2008 г.). Екатеринбург, 2008. С. 40 – 47.
16. Новиков И. А. Вилим де Геннин и его роль в создании горнозаводской промышленности России (первая половина XVIII в.) // Мир науки, культуры, образования. 2008. № 2. С. 84 – 87.
17. Киссер Т. С. Путешествие И. П. Фалька и И. Г. Георги по Российской империи (по материалам дневников) // Уральский исторический вестник. 2016. № 2(51). С. 53 – 60.
18. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Д. 46.
19. Бородаев В. Б., Контев А. В. Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.). Барнаул: Азбука, 2006. 136 с.
20. Муратова С. Р. На страже рубежей Сибири // Национальные культуры региона: научно-методический и репертуарно-информационный альманах. Вып. 16. Тюмень: Строитель, 2007. С. 32 – 46.

THE FORMATION OF THE RUSSIAN BORDER IN THE UPPER OB-IRTYSH AREA IN APPRAISALS OF SCIENTISTS AND TRAVELERS OF THE XVIII CENTURY

Denis S. Bobrov^{1, @, *}

¹ Altai State University, 61, Lenina Ave., Barnaul, Russia, 656049

@ BDS-eureka@yandex.ru

Received 31.10.2016.

Accepted 24.11.2016.

Keywords: historical and geographical images, writings of scientists and travelers, Russian state border, natural border, the Upper Ob-Irtysh area (Altai), fortresses of Irtysh line, Kolyvano-Voskresenskiy industrial complex.

* The publication has been prepared with financial support of RGNF and Altai Krai administration within the framework of joint project № 15-11-22005.

Abstract: The article represents the experience of distinguishing and reconstruction of the views of scientists and travelers of the XVIII century on the formation of the Russian border in the Upper Ob-Irtysh area. The emergence of the historical and geographical images is considered as a direct consequence of the lack of delimited and demarcated border between the Russian Empire and the Dzungar Khanate, and then the Qing Empire. The source basis of the publication is composed by writings of significant for the history of region scientific figures: G. F. Miller, G. V. Gennin, I. P. Falk, P. S. Pallas. The study was methodologically grounded by the "close up" method. Research statements are analyzed in detail in the context of the scientists' targets, attracted sources and circumstances of the implementation of the expeditions. The author identifies the ideologies with predominance of archetypal ideas, pays special attention to P. S. Pallas's concept of "natural border" and his observations on the mode of functioning of the state borders, finally coming to the conclusion about fragmentariness, eclecticism and multivariatness of historical and geographical images of the Russian border.

For citation: Bobrov D. S. Formirovanie rossiiskoi granitsy v Verkhnem Ob'-Irtysh'e v otsenkakh uchenykh i puteshestvennikov XVIII v. [The Formation of the Russian Border in the Upper Ob-Irtysh Area in Appraisals of Scientists and Travelers of the XVIII Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, 2017; (1): 12 – 18. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2017-1-12-18.

References

1. Bobrov D. S., Soboleva T. N. Gosudarstvennaia granitsa Rossiiskoi imperii v Verkhnem Ob'-Irtysh'e v pervoi polovine XVIII v. [State border of Russian Empire in the Upper Ob-Irtysh area in the first half of XVIII century]. *Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta = News of Altai state university*, 2, no. 3 (2015): 34 – 41. DOI: 10.14258/izvasu(2015)3.2-04.
2. Zamiatin D. N. Politiko-geograficheskie obrazy rossiiskogo prostranstva [Political and geographical images of Russian space]. *Vestnik Evrazii = Bulletin of Eurasia*, no. 4 (2003): 34 – 45.
3. Zamiatin D. N. *Kul'tura i prostranstvo: modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Culture and space: modeling of geographical images]. Moscow: Znakh, 2006, 488.

4. Miller G. F. *Istoriia Sibiri* [Siberia history]. Moscow: Vostochnaia literatura, vol. 3 (2005): 473 – 507.
5. *Sibir' XVIII v. v putevykh opisaniakh G. F. Millera* [Siberia in XVIII century in journey descriptions of G. F. Miller]. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996, 310.
6. Gennin V. *Opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov: 1735* [Description of Ural and Siberia factories: 1735]. Moscow: gosudarstvennoe izdatel'stvo "Istoriia zavodov", 1937, 663.
7. *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoi Akademiei nauk, po predlozheniiu ee prezidenta. T. 6: Zapiski puteshestviia akademika Fal'ka* [Full collection of science journeys in Russia published by Empire academy of science at the commandment of its president. Vol. 6: Writings about academic Falk journey]. Saint-Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1824, 446.
8. *Polnoe sobranie uchenykh puteshestvii po Rossii, izdavaemoe Imperatorskoi Akademiei nauk, po predlozheniiu ee prezidenta. T. 7: Zakliuchaiushchii v sebe dopolnitel'nye stat'i k Zapiskam puteshestviia akademika Fal'ka* [Full collection of science journeys in Russia published by Empire academy of science at the commandment of its president. Vol. 6: Which consists additional articles to Writings about academic Falk journey]. Saint-Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1825, 224.
9. Pallas P. S. *Puteshestvie po raznym mestam Rossiiskogo gosudarstva po povelenniu Sankt-Peterburgskoi Imperatorskoi Akademii nauk* [Journey in different places in Russian government at the commandment of Saint-Petersburg Empire academy of science]. Saint-Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1786, part 2, book 2, 571.
10. Pallas P. S. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva* [Journey in different places in Russian government at the commandment of Saint-Petersburg Empire academy of science]. Saint-Petersburg: Imperatorskaia Akademiia nauk, 1788, 111.
11. Golovnev A. V. Krupnyi plan v antropologii [Close up in anthropology]. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural historical news*, no. 4(29) (2010): 14 – 20.
12. *Issledovateli Altaiskogo kraia. XVIII – nachalo XX v.* [Researches of Altai krai. XVIII – XX centuries]. Barnaul: OAO "Altaiskii poligraficheskii kombinat", 2000, 280.
13. Kontev A. V. Kartograficheskie materialy I. G. Gmelina i G. F. Millera kak istochniki po istorii stanovleniia gornometallurgicheskogo proizvodstva na Altae [Cartographic materials of I. G. Gmelin and G. F. Miller as sources of history of formation of mining and metallurgical production in Altai]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriia, filologiia = Bulletin of Novosibirsk state university. Category: history, philology*, 1, no. 12 (2013): 39 – 43.
14. Elert A. Kh. Sibir' i sibirskie narody v geopoliticheskikh proektakh akademika G. F. Millera [Siberia and Siberian nations in geopolitical projects of academic G. F. Miller]. *Nemetskii etnos v Sibiri: Al'manakh gumanitarnykh issledovanii* [German ethnos in Siberia: Almanac of humanitarian researches.]. Novosibirsk, no. 2 (2000): 77 – 84.
15. Karelin V. G. K istorii rukopisi "Opisanie ural'skikh i sibirskikh zavodov. 1734" [To the history of writing "Description of Ural and Siberia factories. 1734"]. *Chetvertye Chupinskie kraevedcheskie chteniia: materialy konferentsii (Ekaterinburg, 14 – 15 fevralia 2008 g.)* [The 4th Chupinskie ethnographical reading: Proc. Conf. (Ekaterinburg, 14 – 15 February 2008)]. Ekaterinburg, 2008, 40 – 47.
16. Novikov I. A. Vilim de Gennin i ego rol' v sozdanii gornozavodskoi promyshlennosti Rossii (pervaia polovina XVIII v.) [Vilim de Genin and his role in creation of mining industry in Russia (first half of the XVIII century)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia = World of science, culture, education*, no. 2 (2008): 84 – 87.
17. Kisser T. S. Puteshestvie I. P. Fal'ka i I. G. Georgi po Rossiiskoi imperii (po materialam dnevnikov) [Journey of I. P. Falk and I. G. Georgy in Russian Empire (on diary materials)]. *Ural'skii istoricheskii vestnik = Ural historical news*, no. 2 (2016): 53 – 60.
18. *Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov* [The Russian State Archive of Ancient Acts]. Found 517, List 1, File 46.
19. Borodaev V. B., Kontev A. V. *Istoricheskii atlas Altaiskogo kraia: kartograficheskie materialy po istorii Verkhnego Priob'ia i Priirtysh'ia (ot antichnosti do nachala XXI v.)* [Historical atlas of Altai krai: cartographic materials at Upper Priobie and Priirtyshie history (from antiquity to the begin of the XXI century)]. Barnaul: Azbuka, 2006, 136.
20. Muratova S. R. Na strazhe rubezhei Sibiri [On guard of Siberia fortresses]. *Natsional'nye kul'tury regiona* [National region cultures]. Tiumen': Stroitel', Iss. 16 (2007): 32 – 46.